

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ (МАРТ 1917 г.)

THE QUESTION OF RECOGNITION OF THE POLISH INDEPENDENCE BY PROVISIONAL GOVERNMENT (MARCH 1917)

V. Kustov

Annotation

The paper studies to the foreign policy activity of Provisional government for the Polish question which on the eve of and after February revolution of 1917 was beyond actually Russian internal political agenda more and more is turned into a powerful factor of the international relations, strengthening military and diplomatic rivalry of the countries of the Fourfold union and Entente. For the cabinet headed by the G.E. Lvov, complexity of decision-making across Poland, was that it, had to correspond, on the one hand, to long-term strategic interests of the country, and with another – to consider promptly changing international realities. On the basis of archival materials, the author of article analyzes priority installations of the Ministry of Foreign Affairs after February events, considers a role and a place of the Polish question in foreign policy plans of the Russian diplomats and politicians, in detail analyzes the reasons which induced Provisional government to recognize the status of future Polish state.

Keywords: World War I, foreign policy of Russia, the Provisional Government of Russia, the Polish question.

Кустов Виталий Анатольевич

К.и.н., доцент,

Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

Аннотация

В статье предпринята попытка исследовать внешнеполитические аспекты деятельности Временного правительства, связанные с польским вопросом, который накануне и после Февральской революции 1917 года все больше выходил за рамки собственно российской внутрисполитической повестки и превращался в весомый фактор международных отношений, усиливая военно-дипломатическое соперничество стран Четверного союза и Антанты. Для кабинета министров во главе с кн. Г.Е. Львовым, сложность принятия решения по Польше, заключалась в том, что оно, должно было, с одной стороны, соответствовать долгосрочным стратегическим интересам страны, а с другой – учитывать стремительно меняющиеся международные реалии. На основе архивных материалов, автор дает оценку основным приоритетам Министерства иностранных дел после февральских событий, рассматривает роль и место польского вопроса во внешнеполитических планах российских дипломатов и политиков, подробно анализирует причины, побудившие Временное правительство признать суверенный статус будущего Польского государства.

Ключевые слова:

Первая мировая война, внешняя политика России, Временное правительство, польский вопрос.

Февральская революция 1917 года, свергнувшая монархию и провозгласившая в России республиканский строй, сделала по сути неизбежными перемены в сфере внешней политики. Возглавив Министерство иностранных дел, лидер конституционно-демократической партии П.Н. Милюков и его единомышленники (Б.Э. Нольде, П.Б. Струве, А.Н. Мандельштам, Г.Н. Трубецкой) практически сразу столкнулись с целым комплексом нерешенных внешнеполитических вопросов. Предстояло добиться дипломатического признания Временного правительства, придать новый импульс отношениям с союзниками, предотвратить наметившееся ослабление влияния Российского государства на международной арене.

Постоянного внимания со стороны внешнеполитического руководства требовали и региональные аспекты внешней политики, среди которых вопрос признания независимости Польши, представляется одним из наиболее сложных и дискуссионных в отечественной историографии [8; 10; 13].

В марте 1917 г. Восточная и Юго-Восточная Европа неизменно доминировала в деятельности внешнеполитического ведомства и либеральных политиков Временного правительства. Среди главных целей войны либералы особое место отводили вопросу контроля над Черноморскими проливами, и он неоднократно поднимался новым главой МИД. Последний решительно выступал за безоговорочную реализацию Лондонских соглашений 1915 г. и отвергал любые требования лидеров эсеров и меньшевиков пересмотреть договор, с таким трудом заключенный с западными союзниками [16, с. 508]. Вместе с проблемой Босфора и Дарданелл, министр иностранных дел акцентирует внимание дипломатов на развитие двусторонних взаимоотношений революционной России со славянскими государствами. П.Н. Милюков одним из первых высокопоставленных руководителей внешней политики стран Антанты решительно заявлял о необходимости ликвидации Австро-венгерской монархии. После Февральской революции он неизменно отстаивал проект усиления Сербии, образование Югославии, создание независимой Чехословакии, предоставление

"справедливых" территориальных компенсаций Болгарии и, наконец, поддержал и стал проводить в жизнь непростое для российского руководства решение о независимости Варшавы [11, с. 289–305].

Временное правительство заявило совершенно новый подход к польской проблеме. 17 марта 1917 г. появился документ, провозгласивший о создании после окончания мировой войны независимой и суверенной Польши. Фактически это было первое крупное международное решение обновленного Российского государства. В воззвании к полякам содержался призыв забыть о прежних счетах, сплотиться вместе с русской армией, одной из приоритетных задач которой называлось освобождение польских земель. Подчеркивалось, что создание единой Польши станет "твердым оплотом против напора средних держав на славянские народы" и будет "залогом самого прочного мира на европейском континенте" [7, с. 31–36].

С первых дней мирового конфликта польский вопрос оказался в центре внимания российской власти и общества. 1 августа 1914 г. от имени Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича было опубликовано воззвание к полякам. В нем основной целью называлось – восстановление Польши ее в этнических границах и наделение определенными автономными правами в составе России. Более конкретный характер автономии, из-за возникших противоречий в правящей элите страны, так и не был определен, и дальше заявленных планов царские сановники не пошли [15, с. 355–357].

К началу 1917 г. борьба за Польшу двух противоборствующих коалиций находилась в самом разгаре. Страны Четверного союза, контролируя "исконные" польские территории, признали право поляков на независимость. Позиция Антанты была более умеренной и явно проигрывала австро-германскому проекту. На официальном уровне союзники продолжали относить решение польского вопроса к компетенции российского руководства, выступая за предоставление полякам широкой автономии и поддерживая сохранение государственного единства Польши и Российской империи.

Февральские события дали мощный толчок к более решительным и радикальным изменениям. 14 марта 1917 г. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов распространил обращение, декларировавшее право Польши на независимость. Ответный шаг Временного правительства первого состава последовал незамедлительно. На следующий день, 15 марта, было опубликовано "Положение о ликвидационной комиссии по делам Царства Польского", а 17 марта появился упоминавшийся выше ключевой программный документ – воззвание к польскому народу. Несмотря на столь стремительное развитие событий можно утверждать, что высокопостав-

ленным чиновникам правительства и министерства иностранных дел еще до декларации Совета пришлось активно заниматься польскими делами, взвешивая плюсы и минусы различных вариантов государственного устройства Польши, обращаясь к уже существовавшим в МИД проектам (например, к программе "российско-польской унии" С.Д. Сазонова, которая как раз предусматривала сохранение тесных связей между Петроградом и Варшавой, прежде всего, в военной и внешнеполитической сфере). Между тем отечественные исследователи отмечают, что чуть ли не основной причиной побудившей главу МИД признать независимость Польши, стало давление со стороны социалистических партий и их представителей в Совете [9, с. 138; 8, с. 10; 13, с. 84].

Высказанное в отечественной литературе обстоятельство, безусловно, нельзя не принимать во внимание. Но, по нашему мнению, оно далеко не единственное. Внешнеполитические установки лидеров Петроградского Совета (и это продемонстрировали дальнейшие события) никогда не являлись для руководителя дипломатического ведомства определяющим и решающим фактором. Имелись и другие не менее важные причины, подтолкнувшие к резкому изменению позиции российской власти.

В первую очередь решение о восстановлении польской государственности было вызвано сложившейся военной и внешнеполитической обстановкой. Территория Царства Польского продолжала оставаться под полным контролем стран Четверного союза. Преследуя цель окончательно включить Польшу в орбиту своего влияния и использовать формирующиеся польские части в борьбе против Антанты, империя Гогенцоллернов гарантировала полякам суверенитет в акте от 5 ноября 1916 г. Об определенном успехе этого шага говорит реакция проантантовски настроенных польских кругов, которые одобрили или нейтрально встретили озвученный Германией проект. "Полякам это выгодно, – телеграфировал в МИД российский поверенный в Берне, – они могут рассчитывать, что от дарования немцами условий независимости и от создающихся национальных учреждений кое что останется даже при разгроме Центральных Держав" [1, л. 25].

Инициатива Германии и Австро-Венгрии способствовала активизации польского национально-освободительного движения, привела к изменению роли польского вопроса во внешней политике стран Антанты. В Министерстве иностранных дел России были вынуждены учитывать настроения поляков, которые в период мирового конфликта формировались далеко не в пользу царского и затем Временного правительства. Стремление польского общества к обретению суверенитета к началу 1917 г. затрагивает даже представителей умеренной части интеллигенции, ориентированной на российское руководство. Еще большую обеспокоенность вызывало дипломатическое давление союзников, приступивших к реализации собственной политики по отношению к Поль-

ше, не согласованной с Петроградом. Французские и английские дипломаты налаживали контакты с польскими эмиссарами, пересматривали свои прежние внешнеполитические установки. Как отмечал юрист-консулт МИД Г.Н. Михайловский: "Среди союзников, исходя из донесений наших дипломатических миссий во Франции, Англии, Соединенных Штатах и Италии, складывалась определенная точка зрения на необходимость полной независимости Польского государства" [12, с. 230].

В Петрограде все больше осознавали – дальнейшее промедление серьезно осложняет ситуацию. Такая стратегия не только неспособна локализовать, предотвратить выход польского вопроса на международный уровень, но и неизбежно ведет к его более самостоятельной и широкой постановке, когда судьба Польши будет согласовываться победителями на будущем мирном конгрессе. В этом случае решение могло быть не в пользу Российского государства, учитывая, что союзники, не желали чрезмерного усиления России в Восточной Европе и предпочитали ориентироваться на консолидированное мнение представителей польских политических организаций.

В итоге внешнеполитические причины (обострение военно-политического соперничества Антанты и Четвертого союза за Польшу, изменение позиции союзников, радикальные настроения в польском обществе) повлияли на главу российского внешнеполитического ведомства в не меньшей степени, чем давление Петроградского Совета. Формула, разработанная П.Н. Милюковым и его соратниками, предусматривала, прежде всего, решение стратегических задач, затрагивающих среднесрочные и долгосрочные перспективы внешнеполитического курса Российского государства. Поэтому дипломаты МИД и министры возлагали на декларацию к польскому народу большие надежды. Во-первых, она была призвана покончить с прежней царской политикой, переломить общественное мнение польских кругов в более благоприятную для России сторону и, главное, восстановить доверие поляков к российской власти. Во-вторых, по мнению российских политиков и дипломатов, документ наглядно подтверждал освободительный характер войны со стороны Петрограда, способствовал идеологическому сближению демократической России со странами Антанты, укреплению симпатий и авторитета страны в глазах остальных славянских народов. "Россия, начавшая новую жизнь с признания свободы польского народа, – полагал комиссар Временного правительства по делам Финляндии Ф.И. Родичев, – этим очертила и указала, в чем состоят ее задачи: не в империализме, в котором нас упрекают, а в свободе народов" [16, с. 404]. В-третьих, ставилась задача устранить разногласия между союзниками и одновременно ограничить их вмешательство определенными рамками, заставив придерживаться общей, согласованной политики. Именно российский проект, получив признание остальных держав Антанты, должен был стать основой для урегулирования польского вопроса в будущем.

Согласно тексту декларации кабинета министров кн. Г.Е. Львова суверенитет нового независимого государства оговаривался несколькими условиями. Прежде всего, Варшаве необходимо было заключить "свободный военный союз" с Петроградом, который предусматривал антигерманскую направленность. Ограничение суверенитета было некоторой гарантией лояльности поляков. В Министерстве иностранных дел существовало опасение, что, в случае получения независимости из рук своего восточного соседа, польские деятели поспешат быстро освободиться от российского влияния и станут ориентироваться на Германию [12, с. 282–283].

Кроме того, следующее условие касалось общей русско-польской границы. Она определялась по взаимной договоренности двух правительств (на основе "этнографического" принципа) и подлежала ратификации со стороны Учредительного собрания России, которое окончательно санкционировало новый союз и давало согласие на изменение государственной территории Российской империи [7, с. 34–36]. Такова, по мнению разработчиков документа, была минимальная цена за освобождение страны русской армией и обретение независимости.

Одновременно с публикацией в периодических изданиях текст воззвания по дипломатическим каналам передавался союзным державам. В ответных заявлениях Англия, Франция, Италия приветствовали и поддерживали решение Временного правительства по Польше, расценив его как одно из доказательств освободительного и справедливого характера войны со стороны стран Антанты. 19 марта 1917 г. российская пресса цитировала официальное сообщение французского внешнеполитического ведомства, выразившего свою "полную солидарность в желании воскресить Польшу" и готовность "оказать России содействие в этом деле" [14].

Между тем в отличие от союзников среди поляков воззвание Временного правительства не произвело желаемого эффекта. В первую очередь, неоднозначную реакцию вызвало условие военного союза. И если польские деятели, находившиеся в России, полностью поддерживали "широкий жест" Временного правительства и на военный союз смотрели как на единственную гарантию международного существования независимой Польши. То у польских политических организаций за пределами Российской империи настроения были несколько другие. К воззванию они отнеслись подозрительно, считая, что Польша сама должна выбирать себе союзников и предложение России нанесет непоправимый ущерб суверенитету будущего польского государства [5, л. 1–2; 4, л. 400–414; 12, с. 282–285].

Резкие возражения последовали и по решению кабинета Г.Е. Львова руководствоваться этнографическим принципом при определении будущей границы двух стран, а также права российского Учредительного со-

брания окончательно санкционировать все территориальные изменения. "Вековой польско-русский спор по поводу обширных этнографических земель, находящихся между Польшей и Россией, оставлен нерешенным в звании русского Временного правительства. Судьба этих земель должна быть определена более ясно" [2, л. 82], – говорилось в резолюции Варшавского Временного государственного совета.

Польские общественные деятели, прежде всего ориентированные на Германию, вынашивали планы присоединения к вновь создаваемому государству – Курляндии, Литвы, Волыни, Подолья, большей части территории Белоруссии, земель Австро-Венгрии (доставшихся Габсбургам в результате разделов Речи Посполитой). Используя отсутствие четкой позиции России по проблеме будущих границ, они неизменно подчеркивали готовность Германии и ее союзников удовлетворить практически все территориальные претензии поляков. После окончания войны немцы не исключали присоединение к Польше Галиции, ее унию с Литвой, обещали значительные территориальные приращения за счет белорусских и малорусских земель Российской империи [4, л. 402–410].

Еще более значительные аппетиты демонстрировали польские организации, располагавшиеся в Париже и Лондоне. Так, уже после появления воззвания Временного правительства, лидеры наиболее влиятельного Польского национального комитета Р. Дмовский и И. Падаревский, встречаясь с западными дипломатами, открыто заявляли, что Польшу "нельзя ограничивать этнографическим принципом". Обосновывалась необходимость создания нового государства не много ни мало в исторических границах Речи Посполитой 1772 г., с возможностью максимального расширения территории "на север и восток" [4, л. 410]. Возрожденная Польша виделась в качестве сильной и влиятельной региональной державы, способной выступить в роли противовеса и по отношению к Германии, и по отношению к России. Корреспондент газеты "Новое время" и Российского телеграфного агентства в Париже, постоянно готовивший развернутые аналитические записки для российского МИД, В.П. Сватковский писал: "Руководители польской политики готовят для Соглашения новый лозунг: будущая Польша вместо бывшей России" [4, л. 409]. По мнению лидеров Польского национального комитета, революция в России неизбежно приведет к полной анархии и восточный союзник Антанты "по крайней мере на два поколения" перестанет существовать в европейской политике.

Кроме того, высказывались планы создать в Восточной и Юго-Восточной Европе федеративное или конфедеративное государство во главе с Варшавой, которое бы объединило значительную часть славянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии (хорватов, словенцев, словаков и, возможно, чехов). Возрожденная Великая Польша должна была заменить Россию, восстано-

вить европейское равновесие и стать опорой для держав Соглашения в регионе. "Во всяком случае, – резюмировал В.П. Сватковский, – никакой особой благодарности к России незаметно: поляки берут все, что им дают, как должное, желают большего и не сомневаются в нашей неискренности" [4, л. 410].

Спустя всего два дня после появления воззвания о восстановлении Польского государства начинает свою работу русско-польская комиссия. На правах министра Временного правительства, ее главой стал известный адвокат, депутат Государственной думы первого созыва А.Р. Ледницкий. В комиссию вошли высокопоставленные чиновники министерства иностранных и внутренних дел, военного ведомства, министерства юстиции и народного просвещения (Ф.А. Головин, А.В. Карташев, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, С.И. Неклюдов, Б.Э. Нольде, Ф.И. Родичев, Д.И. Шаховской, Д.М. Щепкин, Н.Л. Щукин и др.), а также видные представители польских политических организаций, действовавших в России (В.Ф. Грабский, Э.И. Велепольский, А.И. Венцовский, Я.О. Морозовский, С.В. Святополк-Четвертынский, В. Равичь-Щербо, И.Г. Цепляк, О.Я. Федорович, В.Ф. Яронский). Представительство было равным, половина поляки, другая половина – русские [6, л. 16; 12, с. 338–347].

Открывая первое заседание комиссии, председатель Временного правительства кн. Г.Е. Львов заявил: "Учреждение Ликвидационной комиссии, ее деятельность должны служить символом ясности и открытости наших отношений... Мы приступаем к ликвидации не только старых учреждений и дел. Мы приступаем к окончательной ликвидации всех вековых распри и недоразумений между русским и польским народом" [6, л. 17]. Со своей стороны, поляки выражали искреннюю признательность Временному правительству, также полагая, что признание независимости Польши откроет новую страницу в отношениях между двумя славянскими народами. "Новая русская власть сразу поставила польский вопрос во всем его объеме, – подчеркивал в своем выступлении А.Р. Ледницкий, – противопоставив двусмысленной политике центральных держав слово действительной свободы... и знамя этой свободы ныне не в руках Германии" [6, л. 19].

Сама формулировка, заложенная в названии – "Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского" должна была подчеркнуть всю серьезность планов Временного правительства первого состава. Перед комиссией А.Р. Ледницкого ставилась задача "наметить основные вехи для решения польского вопроса" [12, с. 338]. В круг ее обязанностей входила подготовительная работа в законодательной сфере, оказание помощи беженцам, поиск и учет польских материальных и культурных ценностей, находящихся в России. Какие либо практические меры по реализации программы по восстановлению независимости Польши откладывались до завершения мировой войны [3, л. 14; 7, с. 34].

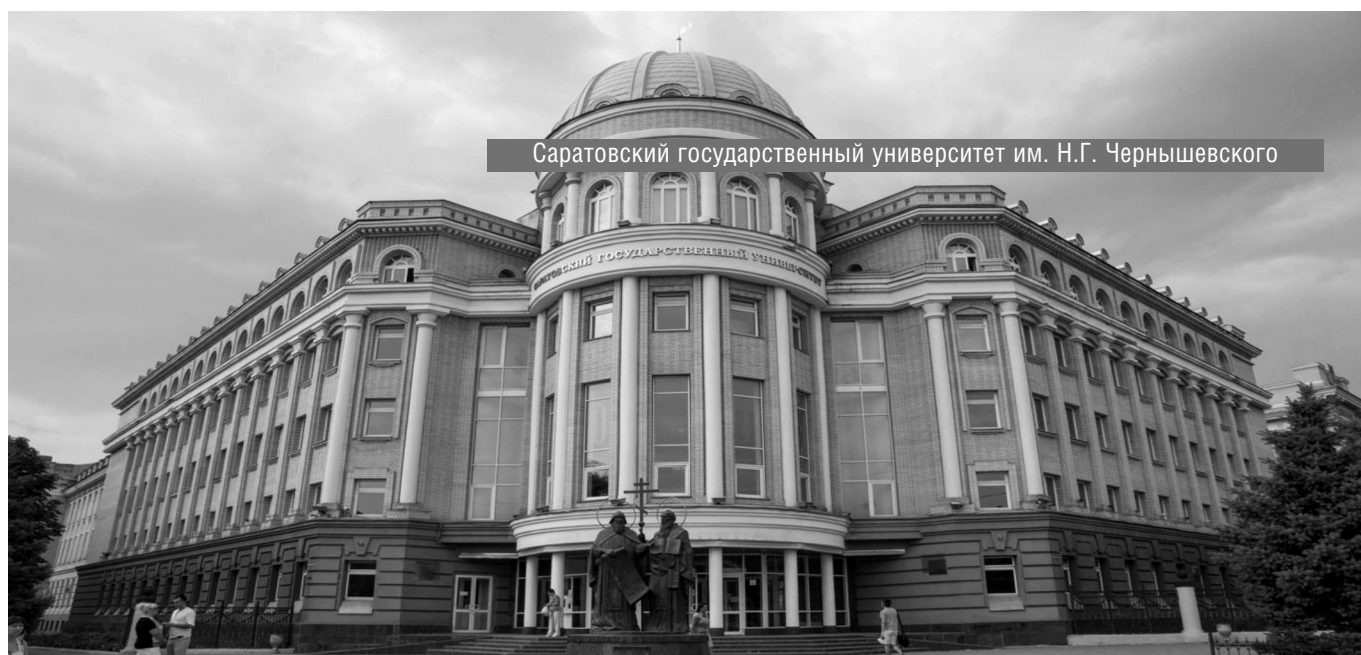
Таким образом, после Февральской революции 1917 г. российское правительство кардинально пересмотрело свою политику по польскому вопросу. Компромиссный проект П.Н. Милюкова учитывал, с одной стороны, долгосрочные стратегические интересы страны на своих западных границах, а с другой – стремительно меняющиеся международные реалии. Появление дружественного России независимого Польского государства, по мнению ведущих идеологов Министерства иностранных дел, должно было предотвратить доминирование Германии в будущем и полностью изменить геополитическую ситуацию на Востоке Европы.

Кроме того, восстановление государственного суверенитета Польши способствовало идеологическому сближению демократической России со странами Антанты, укрепляло авторитет страны в глазах остальных славянских народов и создавало новые возможности для развития русско-польских отношений. Между тем внутривнутриполитические трудности Временного правительства, резкое падение боеспособности русской армии, отсутствие военных успехов серьезно затрудняли реализацию заявленных задач и оказывали решающее влияние на низкую результативность внешнеполитического курса МИД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВП РИ). Ф. 134. Оп. 473. Д. 158.
2. АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 102.
3. АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 630 / 651.
4. АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 747.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 1494.
6. ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 332.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1963. Т. 1. 652 с.
8. Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе накануне и в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 3–12.
9. Игнатьев А.В. П.Н. Милюков как дипломат // Милюков: историк, политик, дипломат. М.: РОССПЭН, 2000. С. 133–141.
10. Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М: Институт Славяноведения РАН, 2009. 336 с.
11. Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917): 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с.
12. Михайловский Н.Г. Записки. Из истории дипломатического ведомства. 1914 – 1920: в 2 т. М.: Международные отношения, 1993. Т. 1. 520 с.
13. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.
14. Отклики на акт о Польше // Речь. 1917. 19 марта.
15. Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. 368 с.
16. Съезды и конференции конституционно-демократической партии (1915 – 1917 гг.): в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1. 830 с.

© В.А. Кустов, (kustovv@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского